

ФИЛОСОФИЯ: МИР В ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕК В МИРЕ

УДК 141.201

Н. М. Карамзин в судьбе отечественной философии (на примере первого тома «Истории государства Российского»)

Н. В. Даниелян

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

В основании рационально-нравственной составляющей взглядов Н. М. Карамзина, направленных на построение общества «всеобщего блага», лежат такие идеи, как просвещение всех сословий, христианская вера, добродетельный Государь, любимый своими подданными. Автором доказывается мысль, что рассмотрение справедливого государства, в котором сохраняются самодержавие, сословный строй и крепостное право, противоречит самой идее свободы и прогресса. Задачей статьи стало выявление роли, которую сыграли взгляды Н. М. Карамзина в развитии российской философской мысли. В ходе анализа было установлено, что нравственность, или «сила души», может быть рассмотрена в качестве средства познавательной деятельности субъекта на основании русской литературно-философской традиции.

Ключевые слова: личность; свобода; просвещение; нравственность; вера; управление; государство.

В декабре 2016 г. отмечалось 250 лет со дня рождения Н. М. Карамзина, великого русского мыслителя и литератора. В связи с этим представляется интересным еще раз сказать о важности и актуальности рационально-нравственной составляющей, присущей всем его работам и, в особенности, основному труду его жизни — «Истории государства Российского». Как известно, Николай Михайлович рассматривал нравственное совершенствование личности в качестве одной из основных задач философии, поскольку именно оно может помочь в достижении личной свободы. За основу размышлений был взят первый том «Истории государства Российского», так как на примере его текста можно проследить основную проблематику, затрагиваемую в данной статье.

Однако вначале хотелось бы сказать несколько слов о том, как философия России отметили эту дату в Москве. Институт философии Российской академии наук 17—18 ноября 2016 г. в ходе празднования Всемирного дня философии провел Международную научную конференцию «Философия российской истории Н. М. Карамзина». Она включала в себя две основные секции: философия истории и политическая философия Карамзина, в рамках которых были сделаны доклады как российскими, так и швейцарскими философами, историками и литераторами. Энтузиазм и искренний интерес участников конференции к философскому осмыслению наследия Николая Михайловича заслуживают отдельного упоминания. По итогам конференции был

© Даниелян Н. В.

издан сборник статей «Николай Карамзин и исторические судьбы России» [1], в котором авторы размышляют над его основной историософской концепцией, согласно которой, несмотря на точки соприкосновения с историей мысли в Западной Европе, Россия представляет собой достаточно самобытную культуру и способна идти собственным путем, чему будет отчасти дано подтверждение в данной статье.

Важным событием также стало присутствие на конференции сотрудника усадьбы Остафьево, сердечно приветствовавшего участников конференции и рассказавшего о деятельности единственного в Москве и Московской области музея, связанного с жизнью Карамзина. В связи с этим хотелось бы несколько слов сказать о том месте, без которого понимание его творчества было бы невозможно.

Как известно, усадьба была построена при Андрее Ивановиче Вяземском, генерал-поручике, на рубеже XVIII — XIX вв. Будучи умным и независимым человеком, много путешествовавшим и повидавшим в жизни, он притягивал наиболее просвещенных людей своего времени. Женившись на старшей дочери А. И. Вяземского, Николай Михайлович с 1804 по 1815 г. жил и работал в Остафьево, которое стало центром интеллектуальной жизни Москвы. Сегодня усадьба восстанавливается, открываются новые залы и экспозиции.

Почему же наследие Н. М. Карамзина столь актуально сегодня? Как отмечают Б. И. Пружинин и Т. Г. Щедрина в декабрьском выпуске журнала «Вопросы философии», в котором целый раздел посвящен осмыслению ведущими отечественными философами его работ, «Карамзин востребован. И мы полагаем, что главную причину такой востребованности очень точно сформулировал

в свое время А. М. Скабичевский, когда указал на морализм Карамзина как на основной мотив его творчества: “...совершенно в ином виде представится он вам, если вы, откинувши в сторону все его политические взгляды, посмотрите на него как на моралиста. Он первый, вопреки средневековой догматике, начал проповедовать благо и свободу страстей и право человека на земное счастье”» [2, с. 134]. Очевидно, что разностороннее осмысление, особенно с позиций философии, творчества Николая Михайловича способно обогатить потенциал российского интеллектуализма. Его взгляды включали веру в неограниченные и разнообразные возможности свободной личности, что отмечали многие отечественные мыслители. Так, в письме А. И. Тургеневу в 1838 г. П. Я. Чаадаев писал о Карамзине как «символе победы человеческого ума над фанатизмом» [3, с. 411—412]; Ю. М. Лотман отмечал: «Понятие прогресса он неизменно, во все периоды жизни, связывал с представлением о свободе, о ее росте и расширении» [4, с. 26].

Несмотря на это, во взглядах Николая Михайловича содержится ряд противоречий, о которых речь пойдет далее. Начнем с представлений о человеческой свободе, поскольку это одна из основных философских категорий, раскрывающих не только сущность человека, но и смысл его существования. Она отражает возможность человека мыслить самостоятельно и совершать поступки согласно своим представлениям и желаниям, а не в результате любого типа принуждения. Индивидуальная свобода способствует тому, что общество начинает не только приспосабливаться к имеющимся на данный момент обстоятельствам окружающей реальности, но воздействовать и трансформировать их в соответствии со своими целями, что

и следует во многом, как будет показано далее, из воззрений Н. М. Карамзина. Безусловно, никакой абсолютной или абстрактной свободы не существует, поскольку она связана с государственным строем и устройством, культурой и нравственностью, внутри которых существует человек.

Согласно определению Б. Спинозы, «свободной называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой. Необходимой же или, лучше сказать, принужденной называется такая, которая чем-либо иным определяется к существованию и действию по известному и определенному образу» [5, с. 362]. Таким образом, можно заключить, что под свободной следует понимать только деятельность, детерминированную волей и желаниями человека, а не навязанную ему извне. В случае отсутствия свободы выбора не будет и свободы в целом. Следовательно, чем обширнее спектр возможностей для выбора человека, тем больше его свобода, так как в таком случае мерой выбора является мера свободы выбирающего.

Какова же мера выбора человека в понимании Н. М. Карамзина? В основании его политических взглядов, ориентированных на построение общества «всеобщего блага», лежит идея просвещения всех сословий, которое неразрывно связывается им с верой: «Успехи разума и способностей его, необходимое следствие гражданского состояния людей, были ускорены в России Христианскою Верою. <...> Народ, погруженный в невежество, считал действием сверхъестественного знания всякую догадку ума, всякое отменно счастливое предприятие...» [6, с. 171], — пишет Карамзин в I томе «Истории государства Российского». Из этого следует, что, вслед

за Платоном, который видел основную цель образования в развитии знания для достижения гармонии между реальностью и творческой идеей, заложенной в душе человека, Николай Михайлович находит корень всех проблем в непросвещенности, ведущей к уменьшению чувства свободы у граждан государства. Поэтому первоочередную задачу, как можно судить по заключительным строкам первого тома, он видит в доступности образования для всех сословий: «Одно просвещение долговременное смягчает сердца людей...» [6, с. 174].

Разовьем данную идею, исходя из работ Платона. В диалоге «Алкивиад I» сказано: «Но кто не знает своего, тот, по тем же причинам, не может знать и чужого», следовательно, такой человек не обладает добродетелью и не способен стать политиком, поскольку он «не будет знать, что делает» [7, с. 71]. Платон в диалоге «Федр» первым поднимает проблему факторов, влияющих на развитие личности человека, поскольку образование как самосовершенствование прежде всего направлено на «припоминание» душой неизменных и высших идей: «Ведь человек должен познавать истину под формой так называемого эйдоса, который составляется из многих чувственных представлений, приводимых рассудком воедино, а это делается через воспоминание о том, что душа знала, когда сопровождала бога, и, презирая все называемое ныне существующим, приникала мыслью к истинно сущему» [7, с. 397]. Очевидно, что при таком подходе у каждого человека будет свое предназначение в жизни, направленное на благо общества в целом. Такую же цель видит в образовании и Н. М. Карамзин через много веков после Платона. Образование порождает добро, а незнание — зло, препятствующее развитию государства и личности.

В труде «Государство» Платон рассуждает о «хорошем» управлении городом, в случае если «в нем будут начальствовать люди поистине богатые — не деньгами, а тем, чем должен быть богат человек счастливый, — доброду и разумною жизнью» [8, с. 232]. Он связывает просвещенность с общественным благом: «...пользуясь этим образцом, они станут, каждый по своим силам, в продолжение остальной жизни украшать и город, и частных людей, и самих себя» [8, с. 255]. Однако это путь избранных, тех, кто смог возвыситься душой и отличиться познаниями среди прочих. У Карамзина, напротив, речь идет о просвещенности не только правителей, но и всего народа, поскольку это позволяет им выйти из состояния дикости и варварства. Следует здесь отметить, что если у Платона просвещенность ведет к совершенствованию души, то у Карамзина она служит воспитанию нравственности народа, которая и является ключом к увеличению меры его свободы. Это, в свою очередь, может оказывать положительное влияние на государственное устройство.

Как и Платон, он отмечает благотворное влияние образованности на правителей и государственные законы. Вслед за мыслителями эпохи Просвещения, возродившими идеалы справедливого государственного устройства Платона, Николай Михайлович неоднократно пишет о необходимости мудрого правителя для процветания государства. Так, князь Олег, покоривший Царьград и заключивший выгодный договор с греками, прославляется как утвердивший России «бытие могущественное», но здесь же Карамзин отмечает, что «мудростию Правителя цветут Государства образованные...» [6, с. 110]. Для древнего государства славян характерно избрание князей на правление народом, лишь

немногим из них удавалось передавать власть по наследству. Им приходилось исполнять законы, однако мало что отделяло их от неограниченной власти, что произойдет позже в истории. Карамзин указывает на личные добродетели государя, которые не позволяют его власти превратиться в деспотию. Следовательно, только просвещенность и мудрость правителя, как и у Платона, является гарантией разумного управления государством.

На основании идей Аристотеля, изложенных в «Никомаховой этике» [9], можно прийти к следующим выводам:

- счастье — это тоже деятельность (от бездействия счастливым не станешь);
- счастье есть продолжение нас и нашего ума, добродетель которого «отделена от тела и страстей», что подтверждается учением Платона о душе;
- человеческая жизнь — путь ума, который составляет основную часть нашей жизненной силы.

В труде Карамзина не дается столь подробного анализа проблемы, однако данное отступление представляется уместным и важным, так как говорит в пользу просвещения и подтверждает необходимость следования «путем ума» в целях личного и общественного духовного освобождения и процветания. Таким образом, можно заключить, что идея свободы начиная с первого тома «Истории государства Российского» связывается Карамзиным с нравственностью, просвещенностью и «силой души» русского народа.

Следующим компонентом в концепции Карамзина, требующим рассмотрения и анализа, является вера. Он рассматривает ее как источник формирования не только государственности, но и нравственности народа. Народы «дикие», верящие в своих божеств, не были лишены

веры, поскольку она помогала им укрепляться «мыслию о Силе Всевышней, которая может спасти их от ударов рока, неотвратимых никакою мудростию человеческою» [6, с. 75]. Принятие христианства способствовало объединению княжеств, положило начало русской государственности, а также дало мощный импульс развитию просвещения, зодчества, искусств. В нравственном плане оно удовлетворяло «всем главным потребностям души человеческой», так как примиряло мир земной и небесный, обещая «блаженство вечной жизни» после смерти.

Аналогичных взглядов придерживался и Л. Н. Толстой. В трактате «Религия и нравственность» он отмечает: «Религия есть известное, установленное человеком отношение своей отдельной личности к бесконечному миру или началу его. Нравственность же есть всегдашнее руководство жизни, вытекающее из этого отношения» [10, с. 26]. Чаадаев также был убежден, что в будущем станет лучше в связи с полным обновлением человеческой природы, обеспечивающей возможность бесконечного развития, и полагал, что «все нравственные силы сольются в одну, разрозненные индивиды соединятся в высшем синтезе» [3, с. 138]. Идея изменения мира сопоставлялась с возможностью проникнуться божественной идеей, обновить себя, стать нравственным. Сходство можно найти и с работами В. С. Соловьева, у которого любовь как путь к всеединству — тоже деятельная сила, победа духа над материей, преображение всего.

Рассмотрим теперь нравственную составляющую, привносимую верой, с позиций закрытой и открытой рациональности [11]. Согласно концепции закрытой рациональности, в познавательной деятельности ее проявление можно обнаружить в утверждении, разработке и

распространении определенной концептуальной позиции. На практике такой тип рациональности обычно рассматривается в связи с целесообразностью практической деятельности и ее направленностью на определенный конечный результат. Под открытой рациональностью понимается способность субъекта познания выйти за пределы фиксированной системы исходных познавательных координат, т. е. за рамки жестких конструкций, ограниченных смыслами, предпосылками и концепциями, заданными изначально. Таким образом, основное отличие закрытой и открытой рациональности заключается в том, что открытая рациональность направлена на развитие познавательных возможностей человека, что ведет к расширению границ познания им реальности. Карамзин понимает веру как путь к познанию человеком окружающего мира, что приводит к нравственному поведению личности. Но не ведет ли такое понимание процесса познания к ограничению свободы, т. е. к закрытой рациональности? Определяющая ценностная установка с позиции современного общества содержится в идее открытой рациональности, поскольку последовательное проведение этого принципа в жизнь дает основу для перехода на позиции диалогического сознания, готовности и способности работать в пространстве различных идейных позиций, соревнующихся между собой на равных, каждая из которых открыта для критики и не претендует на безусловную правоту [12].

Последний аспект, который мы хотели бы проанализировать, — это убежденность Карамзина, что государством должен управлять добродетельный Государь, любимый своими подданными. Этому вопросу уделяется достаточно большое внимание на страницах первого тома «Истории государства Российского».

Карамзин полагает, что история способна преподать уроки нравственности и государственного мышления, не допустить бунта и государственного переворота, что может привести страну к катастрофе, поскольку «...праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества» [6, с. 13]. Можно предположить, что отсутствие единой централизованной власти, как это показано в первом томе анализируемого труда великого русского историка, ведет к кровопролитию, междоусобицам, борьбе за власть, одичанию нравов, распушенности и жестокости народа. И прокатившаяся волна революций XVIII — XX вв. подтверждает эту мысль. Иными словами, разумность в истории является неотъемлемым свойством того, что объединяет народы, делает государство сильным, несет с собой законность, порядок и просвещение.

Здесь интересно отметить и склонность Карамзина продемонстрировать императору независимость собственного мнения. Юрий Михайлович Лотман описывает следующий эпизод, произошедший в 1819 г., когда Николай Михайлович прочел Александру I «Мнение русского гражданина», в котором он возражает против планов царя по восстановлению Польского королевства в его целостности и говорит: «Я не боюсь ничего. Мы все равны перед Богом. <...> мне дорога лишь та свобода, которую никакой тиран не сможет у меня отнять» [13, с. 351]. Снова налицо противоречие в его мыслях и словах, так как Карамзин рассуждает о необходимости просвещения всех сословий, что неизбежно ведет к свободомыслию и, в итоге, свержению монархической и любой деспотической формы правления.

Личные добродетели государя никогда не оказываются достаточной гарантией справедливого правления, какие

бы консультативные и совещательные органы ни предлагались (Н. М. Карамзин отводит подобную роль Сенату, хотя и ставит его в зависимость от воли монарха). К тому же, одна и та же форма государственного устройства не может оставаться вечно, поскольку ее уровень разумности снижается и постепенно изживает себя. Следовательно, нравственность народа под давлением опять же будет постепенно деградировать, так как все решения и законы навязываются ему насильственным образом. Рациональность в подобном государстве принимает все более «закрытый» характер или полностью исчезает. Очевидно, что с общественным, научным и техническим прогрессом «закрытые» формы правления перестают быть удовлетворительными для народа, так как умерщвляют его дух. По данному поводу Ф. Ницше писал: «Змея, которая не может сменить кожу, погибает. Так же и дух, которому не дают сменить убеждения: он перестает быть духом» (приводится по: [14, с. 4939]).

Научно-технический прогресс в современном мире как рациональная форма деятельности также вносит много позитивного в расширение свободы человека, т. е. появляется новая рациональность, которая «рождается из объединения альтернативных форм видения мира» [15, с. 180]. Таким образом, рационально-нравственная составляющая, в отличие от подхода, предлагаемого Н. М. Карамзиным, принимает все более «открытый» характер. Оценка формы государственного правления, в основе которой лежит определение: «...народ стонал, и проливал слезы. Что можно сказать сильнее и разительнее в похвалу Государя умершего?» [6, с. 110] (данная на смерть князя Олега), как можно видеть на примере проведенного анализа, давно канула в лету. В современном

очень сложном и комплексном мире существует огромный спектр возможностей для дальнейшего успешного развития государства и общества, основанных на принципах социальной справедливости и демократических формах правления. Однако хотелось бы закончить словами Н. М. Карамзина, представляющими истинную цель рационального и нравственного подхода к управлению государством: «Мы одно любим, одно желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; <...> да цветет Россия <...> по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!» [6, с. 22] Именно любовь к Отечеству и желание его процветания способны переломить ход не всегда положительных управленческих тенденций и обеспечить построение во многом социально справедливого общества. На данную проблему можно посмотреть и с позиции теории социального государства.

Как известно, для успешного функционирования справедливо устроенной социальной системы необходимо присутствие такого свойства элементов, ее составляющих, которое бы обеспечивало присутствие динамического хаоса как основного источника самоорганизации. Этим свойством является свобода принятия решений, обеспечивающая огромные вариации управления индивидуальным и социальным поведением индивидов, составляющих систему. Свобода воли элементов, с одной стороны, вносит в систему хаос, усиливая непредсказуемость ее поведения, а с другой стороны — принципы управления придают процессам жестко детерминированный характер. Суть нового подхода к управлению государством и обществом заключается в том, что он ориентирован не на внешнее, а на внутреннее,

на имманентное самой среде. Иными словами, он ориентирован не на желания, намерения, проекты субъекта экспериментальной, конструкторской, реформаторской, перестроечной и т. п. деятельности, а на собственные законы эволюции и самоорганизации сложной системы, которой в данном случае является государство и общество. В этом аспекте социально-философский анализ теории и практики социального государства, выявление его существенных инвариантных черт, методологическое влияние социально-философских принципов социального государства на общественные науки и реальную политику способны сыграть свою положительную роль.

Таким образом, при таком подходе преобразование российского общества будет заключаться как в переустройстве условий и образа жизни людей, так и в коренном изменении социальной структуры, что способно помочь в преодолении резкого имущественного расслоения общества и утверждении все более полного социального равенства граждан государства. Однако на настоящий момент данное утверждение звучит сомнительно, применительно к сегодняшним нашим реалиям. Скорее, оно выглядит как прекрасная цель, к которой следует стремиться, как и в эпоху Н. М. Карамзина.

Литература

1. Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А. А. Кара-Мурзы, В. Л. Шаровой, А. Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2016. 384 с.
2. Пружинин Б. И., Шедрина Т. Г. Николай Михайлович Карамзин: формы исторического признания // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 134—139.
3. Чаадаев П. Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. 656 с.
4. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.: ил. (Писатели о писателях).

5. **Спиноза Б.** Избранные произведения: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 632 с.: портр.
6. **Карамзин Н. М.** История государства Российского: в 12 т. Т. 1. М.: Наука, 1989. 640 с.: ил.
7. **Платон.** Диалоги. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2011. 448 с. (Азбука-Классика).
8. **Платон.** Государство / Пер. В. Карпова. СПб.: Азбука, 2016. 352 с. (Азбука-Классика; Non-Fiction).
9. **Аристотель.** Никомахова этика / Пер. И. В. Брагинской // Сочинения в четырех томах / Аристотель. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 53—294. (Философское наследие).
10. **Толстой Л. Н.** Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 39: Статьи 1893—1898 гг. / Подгот. текста и коммент. В. С. Мишина. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. 296 с.: портр.
11. **Швырев В. С.** О понятиях «открытой» и «закрытой» рациональности (рациональность в спектре ее возможностей) // Рациональность на перепутье: в 2 кн. Книга 1. М.: РОССПЭН, 1999. С. 9—45.
12. **Даниелян Н. В.** Свобода личности и рациональность // Преподаватель XXI век. 2009. № 4 (1—2). С. 258—266.
13. **Лотман Ю. М.** Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — нач. XIX в.). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с., 40 л. ил.
14. **Zweig S.** Gesammelte Werke / Zusammen-gestellt von J. Schulze. 6. Aufl. Neuss: Null Papier Verlag, 2016. 13516 S.
15. **Режабек Е. Я.** В поисках рациональности. М.: Академический проект, 2007. 383 с. (Философские технологии).

Даниелян Наира Владимировна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии (ФСИП) МИЭТ. E-mail: vend22@yandex.ru